

Социальный, экономический и политический контекст формирования идеологии «нового славянского мировоззрения» в конце XIX–начале XX вв.

Болдин Владимир Алексеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Анализируя процесс возрождения обновленной идеологии панславизма в конце XIX–начале XX вв., нельзя не сказать о тех социальных, экономических и политических процессах, имевших место в России и оказавших колоссальное влияние на содержание политических программ молодых панславистов.

Современные исследователи подчеркивают: «На рубеже XIX–XX веков Российское государство все больше испытывало на себе возрастающее влияние развитых в индустриальном плане капиталистических стран — стран так называемого первого эшелона капитализма — Англии, Франции, США и др. Подобно тому как политическая система Российской империи отличалась от западной, развитие капитализма в стране также имело свою специфику» [2, с.58].

Для экономических отношений в России рубежа XIX–XX вв. было характерное скачкообразное и непоступательное развитие. Тем не менее, к концу XIX в. Российская империя догнала по темпам развития многие европейские страны. Однако бурный экономический рост часто сопровождался ломкой устоявшихся в обществе норм и традиций, социальная структура претерпевала серьезные изменения, общественная жизнь усложнялась и приобретала качественно новые характеристики.

Экономический и промышленный рост повлиял и на бурное развитие банковской и финансовой систем страны. Постепенно в России стала складываться финансовая олигархия, класс крупных промышленников и предпринимателей. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые рынки в славянских странах, в дальнейшем повлиял на переориентацию идеологии панславизма с культурного и политического сотрудничества на экономическую кооперацию.

В социальной сфере развитие России также было неравномерно. Размытие старых социальных групп и сословий усиливалось из-за растущей дифференциации доходов населения. «Существенным моментом, тормозившим все российские реформы, была социально-политическая структура общества, та пропасть, которая лежала между различными его социальными слоями <...> Неравенство было закреплено и старой сословной системой, хотя по мере развития капитализма эта система все более переставала соответствовать классовому делению общества» [2, с.62].

Говоря о внешнеполитической конъюнктуре, повлиявшей на формирование идеологии «нового панславизма», прислушаемся к мнению А.А.Григорьевой: «К 80-м годам XIX века Россия уже накопила ощутимые природно-территориальные, экономические и демографические ресурсы, позволившие ей сформировать мощную военную базу, а ослабление Османской и Габсбургской монархий создало объективные предпосылки для активного продвижения “русского колосса” в балканском направлении. Идеологическим обоснованием последнего стал российский вариант панславянской теории, легитимировавший дальнейшее расширение Российской империи на Ближний Восток и присоединение к ней остальных славянских земель. Показательно, что формирование и эволюция панславизма

в России проходили под пристальным контролем со стороны правительства и всегда находились в тесном контакте с внешнеполитическим курсом официального Петербурга» [1, с.78].

Однако полностью согласиться с выдвинутым автором тезисом нельзя, так как идеологи «нового славянского мировоззрения» часто осуждали внешнюю политику Российской империи, требовали ее переориентации на защиту «действительно славянских интересов». Нельзя говорить и о единстве взглядов панславистов на вопрос о сотрудничестве с официальными и государственными структурами империи. В целом же, характеризуя геополитические процессы на рубеже веков, можно выделить несколько тенденций: 1) окончание Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. повлекло за собой ослабление Османской империи и появление нового независимого славянского государства — Болгарии. В связи с этим обострился конфликт за разделение сфер влияния на Балканах между Россией, Австро-Венгрией, Германией и др. «Великие державы», подталкиваемые своими промышленно-финансовыми элитами, наращивали финансово-экономическую экспансию, стремясь поглотить рынки «молодых балканских государств»; 2) в монархии Габсбургов нарастало недовольство среди славянской буржуазии. Подобные настроения были обусловлены тем, что основные финансовые и экономические потоки контролировались венгерской и немецкой буржуазией, что лишало предпринимателей и банкиров из славянских земель огромной части доходов. Выход из сложившейся ситуации представители славянских земель видели в налаживании более тесных экономических отношений как друг с другом, так и с Россией; 3) славянские общественные деятели зачастую видели негативные тенденции в усилении экономической и военной мощи Германской империи, а растущий милитаризм в немецком обществе воспринимали как прямую угрозу. Несмотря на то что большинство славян, проживавших в Австро-Венгрии, стояли на позициях целостности монархии, все же они с надеждой смотрели на Россию как на традиционную «защитницу» славянских народов. Однако ошибочно полагать, что славяне империи Габсбургов всерьез рассматривали возможность вхождения в состав России, скорее, усиление политических контактов с «восточным соседом» преследовало конъюнктурные политические цели (усиление автономии в составе Дунайской монархии или помощь в дальнейшей борьбе за независимость).

Григорьева отмечает: «На фоне всех этих событий обозначился очередной подъем интереса к “славянской идее” как в России, так и за ее пределами. В новых условиях сторонники общеславянского единства полагали вполне естественным способствовать культурному, экономическому и политическому сотрудничеству всех славянских народов на паритетных началах. В печати все настойчивее зазвучали призывы к “общему покаянию славян друг перед другом”. Речь шла о разрешении польско-русских, сербо-хорватских и сербо-болгарских противоречий. Вместе с тем подчеркивалось принципиальное отличие “возродившегося” славянского движения от тех течений, которые в российском и западноевропейском общественном сознании ассоциировались с понятием “панславизм”» [1, с.168].

Источники и литература

- 1) Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск: Аспринт, 2013. 200 с.
- 2) Ширинянц А.А., Ширинянц С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Изд-во МГУ, 1997. 160 с.